

Педагогические неудачи и детское общение

П.Б. КОЧЕТОВА,

учитель начальных классов, школа № 1278, Москва

Наступает лето, и мы убегаем от тесной, сумрачной, зашоренной городской жизни на природу, где много воздуха, света, свободы.

Четырехколесный велосипед моего сына Коли едет с нами. Он определяется на «выпас» под молодую вишню, растущую у самой калитки. Теперь легко и быстро можно выкатывать «железного осла» (так прозвала велосипед моя мама) на живописные и безлюдные тропинки дачного поселка.

Коля, ободренный духом дачной воляницы, несколько раз пробует прокатиться на велосипеде, но по первозданным кочкам и овражкам с дополнительными хлипкими колесиками ездить невозможно: либо основные колеса зависают в воздухе, смешно прокручиваясь на месте, либо вся конструкция заваливается набок, крепко впечатывая горе-водителя в рыхлую влажную землю. Сын быстро разочаровывается в собственных спортивных возможностях и сдается.

— Нет и нет, — несмотря на мои отчаянные призывы попробовать еще раз, Коля решительно закатывает велосипед под вишню, — больше кататься не хочу. У меня не получается. Мне неинтересно.

Отвергнутый хозяином, «железный осел» (уже изрядно помятый и грязный) сиротливо прижимается к вишне и, к радости садовых пауков, замирает в ее тени на несколько недель.

Я очень раздражена. История с велосипедом никак нейдет у меня из головы. Во-первых, задето мое честолюбие, попорана материнская гордость. Мне хочется, чтобы мой сын ни в чем своим ровесникам по развитию не уступал. А в нашем окружении, так повелось, все дети, начиная с трехлетнего возраста, непременно осваивает велосипедную езду.

Во-вторых, меня беспокоит усиливающаяся с каждым годом нехорошая (на мой взгляд) черта Колиного характера: мальчик всегда отступает даже перед самыми незначительными трудностями и преградами.

Если, например, Коле с ходу не удастся сложить в картину части мозаики, он решительно отбрасывает игру; если в одночасье не разгадывается загадка — интерес к книге угасает навсегда; если конструктор не собирается в задуманную машинку с первой попытки — второй попытки уже не будет.

Советы, почерпнутые из популярной психолого-педагогической литературы, в разрешении данной проблемы никак не помогают. На мои предложения «Давай, Коля, сделаем это вместе», «Ты молодец, еще немного, и все у нас получится» мальчик реагирует решительно: позволяет мне самостоятельно закончить игру, а себе находит новое занятие.

Конечно, опытные воспитатели, проанализировав жизнь нашей семьи, сумели бы найти объективные причины моих педаго-

гических неудач, но беда в том, что сама я не знаю, где искать.

Вот и теперь я теряюсь в догадках: почему Коля отверг так быстро желаемый им когда-то велосипед и что в сложившейся ситуации должна предпринять я? Может быть, инициативу мальчика подавляет чрезмерное вмешательство в его дела, интуитивное нежелание реализовывать чужие жизненные ожидания? А может быть, напротив, надо проявить настойчивость и последовательность, решительно заставив сына довести начатое дело до конца? Или вообще отпустить ситуацию: позволить ребенку развиваться природосообразно, в соответствии с его индивидуальными возможностями и потребностями? Не знаю. Мучительно сознавать, что от твоего решения зависит судьба самого дорогого для тебя человека — твоего ребенка — и действовать при этом наудачу, вслепую.

Наконец к середине июня на дачи начинает перебираться детвора. Все — от мала до велика — разбегаются по поселку на велосипедах. Коля, к моей радости, тоже выкатывает своего прежде отвергнутого друга за калитку, очищает его от паутины, протирает седло, поправляет светодиодные отражатели на колесах. Правда, первые дни пасажиром в этой парочке чаще выступает «железный осел»: по горкам, низинам, откосам Коля носит его под мышкой; но, не желая отставать от новых товарищей по играм, мальчик исподволь перенимает у них опыт велосипедной езды и дня через три начинает сносно крутить педали.

«Вот что значит живой пример коллектива, — прочувствованно думаю я, любуясь спортивными достижениями сына. — Все-таки не могут искусственно созданные воспитательные методики заменить ребенку полноценное здоровое общение в дворовой компании».

На этой благодатной ноте мой рассказ мог бы и закончиться, если бы в дачном поселке не появился новый мальчик Артем. Артему девять лет, у него есть собственный мобильный телефон, он катается на двухколесном подростковом велосипеде и умеет считать по-английски до десяти. Пяти-семилетняя ребятня с нашей улицы смотрит на Артема с робостью и уважением. Артема распирает

гордость от ощущения собственной значимости и могущества. Вот он катит на своем велосипеде мимо нашего дома. Я наблюдаю за ним из-за куста шиповника, оставаясь невидимой для прохожих с улицы.

— Ну ты, малявка, — Артем неожиданно тормозит возле играющего на дороге Коли и неумело, но очень обидно сплевывает на его велосипед. — Тебя не пускают одного на озеро? Да я в твоём возрасте один туда бегал, каждый день!

Коля сокрушенно пожимает плечами и бесхитростно признается:

— А мне одному даже за ворота поселка выходить нельзя.

— Что это у тебя за велосипед?! На четырех колесах! — не получив отпора, продолжает куражиться Артем. — Да я в твоём возрасте на двухколесном без рук мог ездить!

«Врешь ты все! — с негодованием думаю я. — В Колином возрасте тебя бабушка за руку водила и запрещала по лужам топтать, чтобы ты, не дай бог, насморк не схватил. А велосипеда у тебя до восьми лет вообще никакого не было, ты боялся с него упасть и поцарапать коленки». Меня так и подмывает выйти из невольного укрытия и высказать противному, завравшемуся мальчишке все, что я о нем думаю. Но здравый смысл и педагогический опыт не позволяют материнскому инстинкту взять надо мной верх. Пришло время воспользоваться советом, который я сама не раз давала родителям своих учеников, а именно: не вмешиваться в систему детских взаимоотношений и не решать проблемы ребенка за него самого. Скрепя сердце продолжаю подслушивать ребячий разговор.

— Я не могу на двух колесах, — робко оправдывается мой сын, — я упаду. Я только что научился педали крутить.

— Вот именно. Трусишка. Трусишка и малявка! — хохочет Артем и сталкивает Колю вместе с велосипедом в канаву.

Коля рыдает, не от боли — от обиды. Я не выдерживаю, иду его спасать. При моем появлении Артем, естественно, благоразумно исчезает.

— Пойдем домой, — тихо предлагаю я сыну, — поваляемся в гамаке. Я тебе почи-таю, ты же любишь...

— Открути мне колеса! — сердито просит Коля, размазывая по влажным от слез щекам зеленое травянистое месиво.

— Упадешь, — предостерегаю я.

— Пусть. Откручивай.

Послушно откручиваю вспомогательные колеса и зажмуриваюсь от страха. Не могу спокойно смотреть на Колины бесконечные падения. Через минуту слышу даже не плач, а грозное рычание, полное разочарования и обиды.

— Не могу, — кричит мне в лицо совершенно грязный и мокрый сын. — Приделывай колеса назад!

С облегчением прикручиваю колеса. Однако не успеваю вернуться на грядки, как вновь слышу Колины вопли:

— Откручивай! Буду тренироваться, пока не научусь держать равновесие.

— Вот гаечный ключ, вот колеса, — едва сдерживая накопившиеся раздражение и усталость, отвечаю я, — а вот твои собственные руки и голова на плечах, откручивай сам.

Я знаю, Коля быстро отступит перед возникшими трудностями. Ну, поплачет немного, покапризничает, ногами потопает, а к вечеру снова будет кататься на безопасном четырехколесном велосипеде.

На этот раз я ошибаюсь: мальчик постоянно падает с велосипеда, рыдает, потирая многочисленные синяки, ругает плохие дороги, кривой руль, тесные сандалии, жаркое лето... но снова и снова садится в седло, решительно отталкивается от земли, крутит педали.

Даже мой муж Володя, не верящий в спортивный и волевой потенциал сына, начинает замечать Колины успехи.

— Смотри-ка, — удивленно пожимает он плечами, — а Колька-то наш не безнадежен: может проехать уже пару метров по ровным дорогам. Если дело и дальше так пойдет, купим ему на следующий год подростковый велосипед.

Володины слова неожиданно помогают мне вспомнить кое-что важное из собственного совсем неспортивного детства: лет в семь, покатавшись на разнообразных велосипедах моих подруг, я с удивлением осознала, что держать равновесие на велосипеде с большими по диаметру колесами гораздо

легче, чем балансировать на маленьких детских велосипедах. Главное — преодолеть страх перед высотой и поверить в себя. Полагаю, Коля, пребывая в эйфории от первого значительного в своей жизни спортивного и (что гораздо важнее) нравственного успеха, именно сейчас психологически готов перейти на следующую ступень личностного развития.

Все эти мысли пролетают в голове мгновенно, я не успеваю связно сформулировать их для мужа и проговариваю вслух только неожиданно пришедшее на ум решение:

— Подростковый велосипед надо покупать в этом году! И лучше всего — завтра.

Мой непривычно решительный тон приводит Володю в недоумение, но времени на педагогические споры у нас нет: главное — своевременно поддержать Колины начинания.

— Выброси по дороге дополнительные колеса, — наставляю я вконец растерявшегося мужа. — И главное, давай перестанем вмешиваться в их с велосипедом отношения. Пусть ребенок катается, как знает.

К вечеру следующего дня синий, почти взрослый велосипед ждет Колю у калитки.

Мальчик в восторге. Он тут же пытается оседлать нового друга, а я старательно избегаю встреч с сыном во время его импровизированных тренировок: боюсь неуместными наставлениями и комментариями испортить все дело. Впрочем, о результатах Колиной езды я и так узнаю каждый вечер. Шипки, ссадины, синяки, рваная и мокрая одежда (хорошо, если мальчик в канаве искупался, а не в пруду) свидетельствуют о том, что падает мой сын гораздо чаще, чем ездит. Я начинаю жалеть о покупке велосипеда. Больше всего на свете мне хочется сию же минуту прекратить собственные страдания, запретив сыну раз и навсегда садиться в седло, потому что все Колины ушибы и раны я чувствую физически. Это у меня болят сбитые на камнях колени и локти, это я наглоталась песка, не вписавшись в поворот на соседней улице, это мне от непривычных физических нагрузок сводит по ночам судорогой икроножные мышцы. Но я ничего не могу изменить.

По этому поводу я вспоминаю гайдаровский рассказ «Поход» о страстно жаждущем приключений мальчишке и его мудрой

матери, которая не смеет разрушить мечту сына и только искусно отдалает во времени самый момент расставания с ним. Опыт художественной литературы несколько примирает меня с действительностью, подбадривает, укрепляет мой дух.

И кажется, я начинаю осознавать смысл жертвенной материнской любви. Он заключается в том, что хочется защитить, спасти своего ребенка, оградить от всех бед и напастей, а приходится подталкивать его на страдания и лишения: ведь только в непрестанном преодолении самого себя человек становится Человеком. Эта общеизвестная истина, затертая и опошленная от частого и бездумного употребления, обретает в моем сознании изначальный смысл только в нелегкой практике общения с сыном.

Пока я осмысливаю сущность материнства, Коля совершенствует свою езду. К середине августа он не только отлично держит равновесие в седле, но и лихо скатывается с высоченных горок, виртуозно вписываясь в крутые повороты, бесстрашно одолевает переброшенные через ручей узкие шаткие мостинки и даже прыгает с небольшого трамплина.

Я забыла, с чего начиналось Колино пылкое увлечение велосипедом, забыла обидный для сына разговор с вредным мальчиком Артемом, который, кстати, давно уехал по путевке на далекое и прекрасное море. А Коля помнил все; изо дня в день совершенствуясь в велосипедной езде, он доказывал свою состоятельность не только себе самому, но и Артему. Эта тайна Колиного успеха открывается мне совершенно случайно.

— Мама, пойдем, пожалуйста, со мной, — взволнованно и не по-детски серьезно однажды просит меня сын. — Я один боюсь. Ты только постой на дороге. Мне надо, мне очень надо проехать мимо дома Артема. Он сегодня приехал, я видел, он на участке. Пусть он увидит, как я катаюсь...

Коля крепко сжимает мои руки своими худенькими, вечно содранными в кровь лапками и тянет к забору.

— Но ты же с ним не дружишь, какая тебе разница, — растерянно бормочу я и тут же осекаюсь под напряженным и несчастным взглядом сына.

Его волнение передается и мне. Мы молча трусим к Артемовой даче.

— Без паники, ты лучший, — произношу я избитую и бессмысленную фразу.

Сын не слышит меня. Он садится на велосипед и отталкивается ногой от неровной каменистой дороги. Легко и уверенно он доезжает до разворотного круга, не касаясь ногой земли, делает довольно сложный поворот и, красиво ускоряясь, мчится обратно.

— Он видел меня? Он меня видел?! — тревожно спрашивает Коля, от волнения забывая притормозить, тем самым заставляя меня (такую неспортивную) нестись за ним на всех парах.

Конечно, Артем его не видел, может быть, его вообще не было в этот момент на участке, но говорить об этом сыну ни в коем случае нельзя.

— Видел, видел, — задыхаясь с неприязни от бега, говорю я.

— А где он был? — недоверчиво уточняет Коля.

— Где-где... В доме! За занавеской прятался. Ух, и удивленная же у него была физиономия, — с чувством вру я.

— Это хорошо, — успокаиваясь, отвечает сын. — Пусть знает, что я не трусишка и не малявка.

«Надо же, — с удивлением думаю я, — одному грубому и злому мальчишке удалось сделать то, что оказалось не по плечу целой семье педагогически подкованных людей. Ведь именно Артем возбудил в Коле и азарт, и здоровое честолюбие, и волю к победе».

Спасибо тебе, мальчик, за горькую животворящую пилюлю.